

М. Н. Суворов

СПЕЦИФИКА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЭТАПА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ СТРАН АРАВИИ

Начиная с середины XIX в. арабская художественная литература постепенно отходит от канонов, сложившихся в эпоху классического мусульманского средневековья, и вырабатывает новый путь развития, аналогичный пути, проделанному к тому времени литературами стран Запада. Процесс этого литературного обновления начинается в Египте, Ливане и Сирии, которые первыми подверглись влиянию европейской культуры, затем, вплоть до конца второй трети XX в., в него вовлекаются и остальные арабские страны.

Изучение арабской литературы нового типа, начало которому было положено на рубеже XIX–XX вв. работами российских востоковедов А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского, шло фактически параллельно с развитием самой этой литературы. Наибольшего интереса со стороны отечественных и западных ученых удостоилось творчество писателей Египта, Ливана и Сирии, ставших в арабском мире лидерами литературного процесса, затем писателей Ирака и еще позже представителей арабских стран Северной Африки, пишущих в основном на французском языке у себя на родине и в эмиграции. Эта часть арабской литературы нового типа подверглась всестороннему систематическому изучению, и именно она определяет существующее ныне представление об этой литературе в целом.

Новые литературы Египта, Ливана, Сирии, Ирака и арабских стран Северной Африки прошли приблизительно те же стадии идейно-художественного развития, какие ранее были пройдены литературой Запада: от неоклассицизма (для арабских литератур — арабского) до модернизма и постмодернизма. У арабских литератур этот путь занял, однако, гораздо более короткий промежуток времени, став примером воплощения теории ускоренного развития «отставших» литератур, выдвинутой в свое время Г. Д. Гачевым [1]. Сущность такого ускоренного развития заключается в полистадиальности, совмещении и взаимопроникновении в «догоняющей» литературе тех этапов, которые в «догоняемой» литературе имели бóльшую временную протяженность и более отчетливо выраженную последовательность. Как и в случае исследованной Г. Д. Гачевым болгарской литературы XIX в., процесс ускоренного развития литератур Египта, Ливана, Сирии и Ирака в XIX–XX вв. можно назвать относительно плавным, равномерным — именно в силу его растянутости во времени, позволяющей с большей или меньшей степенью отчетливости увидеть временные границы между сменяющимися друг друга литературными направлениями, отделить «новые» явления от «старых». Такой плавный, хотя и ускоренный процесс развития литератур этих арабских стран был обусловлен и изначальным наличием в этих странах ощутимого интеллектуального потенциала, и постепенностью его дальнейшего накопления, и относительной плавностью социально-экономического развития, включая развитие информационной среды.

Совершенно иную картину являет нам литература нового типа в странах Аравийского полуострова, закономерно отражавшая необычный, во многом даже уникальный, ход социально-исторического развития этих стран в новейшее время. Пребывавшие еще в конце первой трети XX в. в одинаковом состоянии средневековой отсталости, во второй половине века эти страны пережили резкие и судьбоносные для них трансформации. Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Катар и Оман, в которых началась крупномасштабная добыча нефти, во время нефтяного бума 70-х годов превратились в богатейшие государства если не мира, то, по крайней мере, его арабской части. Социально-политическое развитие Иордании, вовлеченной с 1949 г. в сферу арабо-израильского конфликта, оказалось на десятилетия связанным с внутренними перипетиями этого конфликта и его внешнеполитическими обстоятельствами. Две части Йемена, пережившие революции в 60-х годах, двинулись по разным путям развития: радикально-социалистическому на Юге и консервативно-традиционалистскому на Севере, а в 1990 г. объединились в единое государство, которое сейчас является одним из беднейших государств арабского мира. Таким образом, в общей картине развития разных стран Аравии нет ни той относительной плавности, с какой социально-политические изменения происходили в Египте, Ливане, Сирии и Ираке, ни присущей развитию последних однотипности. Исходя из этого и учитывая зависимость литературного процесса от особенностей социально-исторической эволюции, нетрудно предположить, что литература нового типа в странах Аравии развивалась не так, как в странах-пионерах этой литературы, хотя и в том же направлении. В настоящей статье, опираясь на опубликованные в последние годы исследования [2–8], мы рассмотрим специфику начального, просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии.

Процесс идейно-художественного обновления, первые признаки которого появились в словесности некоторых стран Аравийского полуострова в конце первой трети XX в., при всем своем типологическом сходстве с процессом обновления литератур Египта, Ливана и Сирии, начавшимся почти на столетие ранее и заключавшимся в заимствовании из литературы Запада новых идей и художественных методов, имел ряд особенностей, обусловленных теми изменениями, которые за сто лет произошли в арабском мире и в мире вообще. Главная из этих особенностей состоит в том, что литературы Аравии «догоняли» не литературы Запада, как это было в случае Египта, Ливана и Сирии, а литературы уже самих Египта, Ливана и Сирии, т. е. литературы, созданные в приблизительно той же культурной среде и на том же арабском языке. Этот факт обусловил гораздо большую динамику процесса знакомства с «догоняемой» литературой, адаптации ее идей и выразительных средств. Если, скажем, египтяне в XIX в. имели возможность приобретать и читать западную литературу, в основном лишь находясь в Европе, перед этим в достаточной мере овладев иностранным языком, а переводы этой литературы на арабский язык осуществлялись относительно бессистемно, порой с большим опозданием, то аравийские любители произведений новой арабской литературы могли читать ее в оригинале вскоре после издания, поскольку после Первой мировой войны стали налаживаться устойчивые связи между интеллектуальными элитами разных частей арабского мира, укрепившиеся после Второй мировой войны. Другая особенность, тесно связанная с первой, заключается в том, что аравийским литераторам не пришлось заниматься трансформацией традиционных арабских средневековых жанров в жанры современной (западной) литературы и выработкой нового

повествовательного стиля, что в развитии египетской литературы заняло целое столетие. Филологические вкусы большей части аравийских литераторов-обновителей, не имевших, в отличие от многих пионеров обновления в Египте, Ливане и Сирии, глубоких познаний в области арабо-мусульманского культурного наследия, изначально формировались не столько образцами средневековой арабской словесности, сколько произведениями новой арабской поэзии, художественной прозы и публицистики, которые в 40-е годы были уже доступны в Аравии благодаря регулярным книжным и газетно-журнальным поступлениям из Египта, Ливана, Сирии и Ирака. Новая арабская литература к тому времени совершенно уже отошла от средневекового канона, находилась на завершающем этапе формирования системы современных жанров и современного повествовательного стиля и развивалась преимущественно в романтическом и реалистическом направлениях. Благодаря поступавшим книгам, газетам и журналам аравийцы смогли познакомиться как с произведениями современных им египетских и сиро-ливанских приверженцев романтизма и реализма, так и с сочинениями авторов более раннего, просветительского периода, в частности с историко-приключенческими романами ливанца Джирджи Зейдана. Зачинатели новой литературы в странах Аравии с легкостью воспринимали близкое им в культурном и языковом отношении творчество египетских и сиро-ливанских писателей, быстро осваивали их литературную технику и использовали ее в собственных сочинениях.

Описанное выше стало возможным, впрочем, лишь тогда, когда в самих странах Аравии появился интерес — сначала крайне ограниченный — к печатной продукции вообще и к современной художественной литературе в частности. Появление такого интереса в немалой степени было связано с распространением в Аравии после Первой мировой войны, положившей конец турецкому господству на арабских землях, идей национального арабского возрождения, включая возрождение культурное. Именно в это время достаточно замкнутое аравийское общество, сохранявшее средневековые традиции и образ жизни, начало вступать во все более тесные контакты с остальными частями арабского мира. На фоне стремления к обретению национальной независимости в одних аравийских странах или в условиях становления национальной государственности — в других началось развитие системы современного образования и создание национальной прессы, что и было необходимым условием для зарождения литературы нового типа. Именно представители прессы сформировали ту среду, из которой вышли первые новеллисты, романисты, литературные критики.

В разных аравийских странах процесс литературного обновления проходил по-разному и в разные сроки. В Иордании, Йемене, Кувейте, Саудовской Аравии и Бахрейне литературное обновление началось до наступления эпохи аравийских «нефтяных денег», в условиях общей социально-экономической и культурной отсталости, в отсутствие радио- и телевидения. Это определило как основную задачу литераторов-обновителей — просвещать население и пропагандировать нравственные ценности (за неимением на тот момент иных средств достижения общественного благополучия), — так и осознание этими литераторами своей роли в качестве главных — если не единственных — наставников общества. По этой причине литераторы-обновители ориентировались в большей степени на просветительское наследие новой литературы Египта, Ливана и Сирии, и в меньшей — на опыт современных им египетских и сиро-ливанских представителей романтизма и критического реализма, чьи произведения отвечали духовным потребностям общества уже более развитого, чем общество Ара-

вии того времени. В этом отношении они повторили путь своих египетских и сиропаливанских предшественников, которые также ориентировались не на современную им западную литературу, а на сочинения европейских просветителей более раннего времени.

Поскольку импульс к обновлению литературы исходил от творческой интеллигенции Египта, Ливана и Сирии, первым из ныне существующих государств Аравийского полуострова в поле воздействия этого импульса оказалась Иордания, получившая в 1921 г. статус подмандатной Британии административно-территориальной единицы — Трансиорданского эмирата и входившая вместе с Сирией, Ливаном и Палестиной в состав единого географического и культурно-исторического комплекса, известного под названием Великая Сирия (по-арабски — аш-Шам). Возглавивший эмират Абдаллах б. Хусейн активно занимался государственным строительством, всячески способствовал культурному развитию страны, и к концу 20-х годов здесь была создана система начального и среднего образования нового типа, начала развиваться местная пресса. Поскольку коренное население эмирата состояло в основном из неграмотных бедуинов, движущей силой процесса культурной модернизации стали работавшие здесь палестинские просветители, такие как Халиль Бейдас, Халиль ас-Саккакини, Искандер аль-Хури аль-Битиджали, Махмуд Сейф ад-Дин аль-Ирани, Мухаммед Адиб аль-Амири (об их творчестве см. [3]).

Халиль Бейдас, известный издатель и публицист, поклонник и переводчик русской литературы, и Искандер аль-Битиджали, также известный публицист, знаток русского и французского языков, считаются зачинателями иорданской литературы нового типа. Сборник Х. Бейдаса «Размышления» (1924), который составили сентиментально-романтические зарисовки и рассказы назидательного характера, обозначил рождение в национальной словесности малого жанра современной прозы, а И. аль-Битиджали стал первым иорданским поэтом, обратившимся к верлибру. Дальнейшее развитие малая проза нового типа получила в творчестве Махмуда аль-Ирани, автора назидательно-сентиментальных рассказов (сборник «Старт», 1937), и дебютировавшего в 40-е годы Исы ан-Наури, в рассказах которого наряду с назидательностью впервые прозвучали романтические мотивы борьбы за национальную независимость. Основным побудительным мотивом творчества вышеупомянутых авторов было их стремление к нравственному оздоровлению иорданского общества, подъему его культурного уровня, что выражалось в тематике рассказов: критике индивидуальных человеческих пороков, архаичных традиций, различного рода социальной несправедливости, восхвалении добродетели и разума. Та же просветительская тематика и откровенная назидательность присуща и немногочисленным произведениям иорданской большой прозы 30-х — 40-х годов, таким как исторический роман «Сыны Гассанидов и Ибрахим-паша» (1937) Рукса аль-Узейзи и социально-бытовой роман «Где защитники добродетели?» (1945) Тайсира Зубйани.

В Кувейте, который в культурно-историческом отношении всегда тяготел к Ираку и вплоть до 1961 г. оставался протекторатом Британии, началом просветительского движения можно считать создание в первой половине 20-х годов двух школ для мальчиков, первой общественной библиотеки и литературного клуба, сыгравших немалую роль в деле приобщения местных жителей к классической арабской словесности. Собственно же идеи о необходимости литературного обновления впервые появились в публикациях журнала «аль-Кувейт», основанного в 1928 г. известным кувейтским

религиозным просветителем Абд аль-Азизом ар-Рашидом. Именно в этом журнале в 1929 г. было опубликовано первое сентиментально-просветительское сочинение кувейтского автора («Мунира» Халеда аль-Фараджа), посвященное критике невежества, предрассудков и женского бесправия. Действительное же рождение современной кувейтской литературы приходится на конец 40-х — начало 50-х годов и связано с деятельностью журналов «аль-Ба'са» (издавался кувейтскими студентами в Каире с 1946 г.) и «аль-Казыма» (с 1948 г.), в которых публиковали свои первые рассказы такие местные зачинатели этого жанра, как Фадель Халыф и Фахд ад-Дувейри. Просветительские рассказы этих и других кувейтских авторов того времени служили задаче улучшения общественных нравов, пропагандировали культурные и технические реформы, в которых в то время нуждалась страна, иногда в сентиментальном ключе касались общеарабских проблем, главной из которых стала трагедия палестинского народа (см. [7]).

В Саудовской Аравии, ставшей независимым государством в 1927 г., первые признаки обновления появились в 30-е годы в поэзии, когда в стихах некоторых известных местных поэтов стали звучать романтические интонации, заимствованные, очевидно, у поэтов-обновителей Египта. Что же касается прозы, то знакомство саудовского читателя с ее современными жанрами произошло во многом благодаря деятельности журнала «аль-Манхаль», выходившего в Медине начиная с 1937 г. и размещавшего на своих страницах сочинения арабских авторов, а также переводы рассказов с некоторых западных и восточных языков. Публиковавшиеся в журнале саудовские авторы, в том числе его издатели Абд аль-Куддус аль-Ансари и Ахмед Рида Хуху (алжирец по происхождению), стали зачинателями национального рассказа, имевшего в то время исключительно назидательно-сентиментальный характер. Откровенной назидательностью отличались и первые сочинения саудитов, которые можно отнести к большим прозаическим жанрам: «Близнецы» (1930) Абд аль-Куддуса аль-Ансари, «Страстная месть» (1935) Мухаммеда аль-Джаухари, «Воскресение» (1942) Мухаммеда аль-Магриби, «Девушка из Мекки» (1947) Ахмеда Риды Хуху, «Мысль» (1948) Ахмеда ас-Сибайи. Главным идейным мотивом всех этих сочинений было улучшение общественных нравов, пропаганда образовательных и культурных реформ, о чем авторы иногда напрямую сообщали читателю в аносах на обложках книг или в предисловиях (см. [2]).

В 40-е годы литературное обновление началось и в Бахрейне, тогда британском протекторате. Газета «аль-Бахрейн» (издавалась с 1939 по 1944 г.), а затем и другие местные газеты в 40-е — 50-е годы публиковали на своих страницах назидательно-сентиментальные сочинения таких местных авторов, как Махмуд Йусуф, Ахмед Сальман Камаль, Али Сайяр, которые можно считать первыми попытками создания национального рассказа. Тематикой этих сочинений было осуждение практики раннего брака, супружеских измен, употребления спиртных напитков, азартных игр, призывы к сострадательному отношению к бедным.

На 40-е годы пришлось начало литературного обновления и в Йемене. Основанная в 1940 г. в Адене, тогда британской колонии и самом экономически развитом городе на всем Аравийском полуострове, первая национальная газета «Фатат аль-Джазира» стала рупором идей аденских просветителей, и именно в ней были опубликованы их первые опыты в жанре рассказа. Создатель газеты Мухаммед Лукман и его сподвижники — все представители местного сословия торговой аристократии, получившие светское образование западного типа в аденских школах, — стремились к увеличению роли арабов в управлении многонациональной аденской колонией и, в конечном

итоге, к обретению городом национальной независимости. Необходимым условием формирования социальной базы своего движения они считали подъем культурного уровня местного арабского населения, что определило и характер их первых литературных сочинений, подчиненных просветительским задачам. В рассказах аденских зачинателей этого жанра, таких как Мухаммед Лукман, Хамед Халифа, Мухсин Халифа, Хусейн Басыддик и Ахмед ар-Рифа'и, превалирующей темой была критика индивидуальных человеческих пороков, невежества, архаичных обычаев, сословных предрассудков, женского бесправия. Уже в творчестве этих просветителей появились, однако, мотивы недовольства социально-политическим устройством колонии, маргинальным положением в ней арабов, что к середине 50-х годов стало едва ли не основной темой йеменской прозы, направив ее в русло революционного романтизма и критического реализма (см. [5]).

Что же касается Объединенных Арабских Эмиратов, Катара и Омана, то в них первые признаки литературного обновления появились существенно позже, в конце 60-х — начале 70-х годов, на фоне и в результате резкого роста общественного благосостояния, вызванного нефтяным бумом. Огромные доходы от продажи нефти обеспечили скачкообразный подъем уровня жизни населения этих стран, сделали возможным ускоренное развитие системы социального обеспечения, образования и прессы, включая радио и телевидение. Местные литераторы-обновители, судя по всему, изначально сознавали маргинальность своей роли в процессе общественного развития, главным двигателем которого стали «нефтяные» деньги, и потому лишь пытались трактовать — сначала в свойственной просветительству нравоучительной манере — те изменения, которые происходили в обществе. Можно сказать, что рождение литературы нового типа в этих странах стало ответом на духовные запросы общества, порожденные уже достигнутым материальным благополучием, и во многом стимулировалось появлением специализированных журналов, посвященных вопросам арабской и общемировой культуры и литературы: «Байан аль-кутуб», «Шу'ун адабийя» и «Дирасат» в ОАЭ, «аль-'Уруба» и «ад-Доха» в Катаре, «аль-Гадир» и «Низва» в Омане. Эти и другие периодические издания обеспечили стабильное развитие литературы нового типа, которое в ОАЭ началось с 70-х годов, в Омане — с 80-х, в Катаре — с 90-х.

Лишь самые ранние и очень немногие произведения современной литературы этих стран можно считать характерными образцами просветительского направления. В оманской литературе это нравоучительные рассказы известного маскатского просветителя Абдаллаха ат-Та'и, а также две его повести об истории страны: «Ангелы Джебель аль-Ахдар» (1963) и «Большой парус» (1971 г., опубликована в 1981 г.) [6, р. 160–163]. В ОАЭ это повесть Рашеда Абдаллаха «Шаханда» (1974), написанная в духе сочинений Дж. Зейдана, сочетающая любовно-приключенческий сюжет с дидактикой, направленной против кастового расслоения общества, характерного для Аравии до-нефтяной эпохи [8, р.164–167]. В Катаре это повесть Даляль Халифы «Легенда о человеке и озере» (1993), написанная в форме притчи и осуждающая политический авторитаризм, и повесть ее сестры Ши'а' Халифы «Путь к Истине» (1993), пропагандирующая традиционные ценности ислама [4, с. 37–45].

Хотя в разных странах Аравийского полуострова начало развития литературы современного типа пришлось, как мы видим, на разные десятилетия XX в., соответствующие разным стадиям развития «догоняемых» литератур Египта, Ливана и Сирии, исходным художественным направлением во всех этих новых аравийских литерату-

рах стало просветительство (иногда с оттенком романтизма), которое в «догоняемых» литературах к тому времени себя практически исчерпало. Критический реализм, ставший уже в конце 40-х годов ведущим идейно-художественным направлением в литературах Египта, Ливана и Сирии — во многом благодаря сформировавшемуся в среде политизированной творческой интеллигенции этих стран социально-детерминистскому взгляду на мир, — для аравийских литераторов того же, и даже более позднего времени был еще совершенно чуждым. Идеи социально-политической обусловленности жизненных проблем индивида и, соответственно, стремление к общественно-политическому переустройству жизненной среды еще не нашли сколько-нибудь заметного распространения в том традиционном, почти средневековом обществе, в котором аравийские литераторы начинали свой творческий путь. Возможность улучшения жизни человека они видели по большей части в культурной модернизации страны, улучшении качества воспитания и образования людей, в нравственном совершенствовании личности — точно так же, как египетские и ливанские просветители последней трети XIX в.

Примечательно, что просветительское движение не породило в литературах стран Аравии многих жанров, возникших под его влиянием в литературах Египта, Ливана и Сирии. Так, не получил сколько-нибудь заметного развития жанр *рихля* (путешествия), который в его модернизированном виде в свое время активно использовался египетскими и ливанскими писателями-просветителями для ознакомления читателей с духовной и материальной культурой Европы, призванной служить арабам образцом для разумного подражания. После Первой мировой войны, завершившейся для арабов крушением их надежд на обретение национальной независимости, образ Европы, которая «обманула» арабские чаяния, в глазах интеллектуальной элиты наиболее развитых арабских стран существенно поблек. В странах же Аравии тяготения к Европе, контакты с которой почти отсутствовали, не было и до войны, а после войны Европа уже представлялась здесь скорее неприятелем, чем образцом для подражания. Ориентиром культурного возрождения для аравийцев служили уже арабские страны: Египет, Ливан и Сирия, посещение которых, естественно, не могло произвести на них столь сильного впечатления, какое на египетских просветителей в свое время производило посещение Европы, и потому практически не выливалось в описание путешествий. Неудивительно и то, что западная культура, проникающая в «нефтяную» Аравию вместе с возвращающимися на родину выпускниками западных вузов, становится для многих местных авторов вовсе не образцом для подражания, а напротив, источником порчи нравов, что находит выражение, например, в повести Ши'а' Халифы «Путь к Истине», в романах оманца Су'уда аль-Музаффары «Песок и лед» (1988) и «Мужчина и женщина» (1990) [6, p. 176–187].

Не было в просветительской литературе аравийских стран и крупных произведений познавательного, «энциклопедического» характера, таких, скажем, как сочинение египтянина Али Мубарака «Алям ад-Дин» (1882), которое также относится к жанру *рихля*. Причиной этому стало, очевидно, не столько отсутствие у аравийских авторов необходимой для этого эрудиции, сколько отсутствие самой потребности в подобных сочинениях, чьи информационные задачи к тому времени уже взяла на себя арабская пресса, и несколько позже — радио и телевидение.

Почти не получил развития и исторический роман, бывший в свое время ведущим жанром в просветительской литературе Ливана и Сирии. Этому можно усмотреть не-

сколько причин. Первая из них заключается в том, что знакомство арабского читателя со средневековой историей арабского мира уже состоялось благодаря романам ливанцев Селима аль-Бустани, Джамиля аль-Мудаавара, Джирджи Зейдана, Йа'куба Сарруфа и — позже, уже в 30-е — 40-е годы, — сирийца Ма'руфа аль-Арнаута, египетских авторов Мухаммеда Абу Хадида, Али аль-Гарима, Мухаммеда аль-Арьяна, Али Бакасира. Едва ли аравийские литераторы, большинство которых не обладали глубокими познаниями в вопросах средневековой истории, могли добавить к уже написанному что-либо принципиально новое — по крайней мере, на том просветительском уровне, на котором находилось их творчество. Вторая причина, возможно, более существенная, связана с изменением политической и идеологической обстановки в самом арабском мире. Христиане аль-Бустани, аль-Мудаавар и Зейдан творили в то время, когда арабские земли входили в состав Османской империи, и, не приемля деспотического османского правления, все они в той или иной степени были приверженцами идеи панарабизма, побуждавшей их обращаться к общеарабской средневековой истории, которую они считали и источником назидания, и материалом, необходимым для развития национального самосознания арабов. В послевоенных Египте, Ливане и Сирии обращение писателей к прошлому арабской нации также во многом было связано с развитием национальной идеи, теперь уже противостоящей европейскому колониализму. На землях же собственно Аравии, освободившихся в ходе войны от турецкого господства и получивших статус административно-территориальных единиц с относительным самоуправлением, идея панарабизма — и до того здесь не слишком популярная — уступила место национализму локального характера, что способствовало развитию большего интереса к местной истории, чем к общеарабской. Местная же история в то время была еще мало изучена, требовала от писателя слишком больших исследовательских усилий, и поэтому на этапе преобладания в странах Аравии литературы просветительского характера мы видим очень мало сочинений больших жанров, посвященных истории. Показательно, что и на последующих этапах развития аравийских литератур исторический роман не стал распространенным жанром, поскольку в отличие, скажем, от Египта, где «идеи так называемого фараонизма отражали настроения местного египетского национализма, в той или иной степени противопоставляющего себя национальному общеарабскому» [9, с. 54], и потому подпитывали жанр исторического романа, подавляющее большинство аравийских стран не имели другой «великой» истории, кроме истории арабо-мусульманской цивилизации, уже описанной египетскими и сиро-ливанскими авторами. В Йемене — фактически единственной, кроме Иордании, аравийской стране, такую историю имевшей, — появление нескольких романов на тему древности и средневековья, написанных все в той же просветительской манере, состоялось лишь после длительного изучения этой истории, в 90-е годы, и было связано с общенациональным подъемом, на время порожденным объединением двух частей страны в единое государство.

Практически не было в просветительской литературе стран Аравии и художественных сочинений философского характера, наподобие тех, какие в свое время писали ливанцы Френсис Марраш и Фарах Антун. Тема социального и религиозного переустройства мира, присущая творчеству этих проникшихся ценностями западной культуры авторов-христиан, была чужда аравийским просветителям, чье мировоззрение было сформировано традиционным мусульманским обществом, в котором они жили. Идеи же реформации ислама не получили у аравийских авторов популярности, спо-

собной побудить их к созданию серьезных сочинений на эту тему, поскольку к 40-м годам эти идеи оказались на заднем плане общественного дискурса и в более передовых арабских странах, уступив место новым идейным течениям, таким, например, как социализм, до которых аравийское общество к тому времени просто еще «не доросло».

Просветительский этап в литературах стран Аравии породил, таким образом, в основном лишь социально-бытовую новеллу и социально-бытовой роман назидательного содержания, в которых почти с самого начала присутствовали черты романтизма, а также зачатки реализма, выраженные в местном, аравийском колорите изображаемых ситуаций. При этом социально-бытовая тематика в большей мере, чем, скажем, историческая или философская, требовала от писателей правдоподобия в изображении ситуаций и персонажей, что способствовало формированию в этих литературах реалистического метода. Таким образом, просветительский этап в литературах Аравии оказался «смешанным» в художественном, «неразвитым» в тематическом и «укороченным» во временном отношении. Сама же просветительская манера повествования с присущей ей назидательностью сохранялась в сочинениях аравийских авторов еще очень долго. В Йемене, например, где критический реализм в литературе стал набирать силу с начала 60-х годов, даже спустя три десятилетия появлялись произведения, написанные в характерной просветительской манере.

Литература

1. *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964. 312 с.
2. За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М., 2009. 533 с.
3. *Ковыришина Н. Б.* Проза Иордании. М., 2005. 261 с.
4. *ас-Салех Н.* Аль-Мугамара ас-санийа: дирасат фи-р-ривайа аль-'арабиййа (Вторая попытка: исследования арабского романа). Дамаск, 1999. 140 с.
5. *Суворов М. Н.* Просветительское движение и начало литературного обновления в Йемене (1925–1955) // Культура Аравии в азиатском контексте: сборник статей к 60-летию М. А. Родионова. СПб., 2006. С. 198–224.
6. *Michalak-Pikulska B.* Modern poetry and prose of Oman. 1970–2000. Kraków, 2002. 440 p.
7. *Michalak-Pikulska B.* The contemporary Kuwaiti short story in peace time and war. Kraków, 1998. 192 p.
8. *Ramsay G.* The past and the present: Aspects of intertextuality in modern literature in the Gulf // Intertextuality in modern Arabic literature since 1967. Durham: Durham University. 2006. P. 161–186.
9. *Кирпиченко В. Н.* О некоторых аспектах обращения к наследию в египетской литературе // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М., 1987. С. 54–65.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2012 г.